

Л. К. Круглова¹**ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ПОИСК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ЦЕННОСТЕЙ**

Проблематика «глобальной культуры» связана в международной дискуссии с именами Э. Смита и А. Аппадурай. Первый из них исходит из понимания культуры как «коллективного образа жизни, репертуара верований, стилей, ценностей и символов»². В связи с этим Э. Смит полагает, что понятие культуры имеет конвенциональный характер, в реальности существуют только отдельные культуры, которые соответствуют определенному социальному времени и пространству, территории проживания конкретного этноса, нации, народа. В этом методологическом контексте сама идея «глобальной культуры» представляется Э. Смицу абсурдной³, поскольку глобальная культура оказывается лишённой всех существенных признаков культуры.

Каждое из «обвинений» в адрес самой идеи «глобальной культуры» заслуживает отдельного рассмотрения. Первое из них — внесторичность глобальной культуры. Однако если рассматривать мировую историю непредвзято, то можно отчетливо увидеть в ней неуклонно усиливающуюся тенденцию к объединению разрозненных человеческих сообществ в целостное образование. Наиболее острая проблема современности заключается именно в том в том, чтобы, поддерживая тенденцию к объединению, сохранить при этом разнообразие культур, которое является общим богатством человечества.

Другое обвинение в адрес «глобальной культуры», состоящее в том, что она не имеет своей сакральной территории, можно опровергнуть, как представляется, легко и немногословно — у глобальной культуры есть сакральная территория — это планета Земля. Со времени первого полета человека в космос эта мысль стала достоянием едва ли не каждого человека.

Не выдерживает критики и утверждение Э. Смита, что идея глобальной культуры не отражает какую-либо идентичность. Как известно, в мировой культуре существуют понятия, достаточно полно выражающие всепланетную форму идентичности, — это «человек», «человечество».

¹ Заведующая кафедрой философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор. Автор более 160 научных работ, в т. ч.: «Культурология», «Теория культуры» в 3 ч. (ч. I «Введение в теорию культуры», ч. II «Структура и функция культуры», ч. III «Цивилизация. Культура. Гуманизм»), «Человек–Природа–Общество–Культура (социокультурная антропология)» и др.

² Глобальная культура и культурная «экспансия». URL: <http://www.cult-web.ru/cult-webs-234-1.html> С. 1.

³ Там же.

Более подробного рассмотрения требует положение Э. Смита о том, что у глобальной культуры нет никакой общей памяти поколений, а память об опыте колониализма и трагедиях мировых войн — это история свидетельств раскола и трагедий идеалов гуманизма. Надо признать, что здесь имеет место суровая констатация реальных фактов. Однако у действительности есть и другая сторона — это история дружественных союзов народов и государств, история создания и функционирования международных организаций и общественных движений планетарного масштаба. И речь, видимо, должна идти о необходимости блокирования тенденции к расколу и конфронтации и поддержке тенденции к объединению.

Идея Э. Смита о том, что глобальная культура не имеет «перспектив» будущего, интересна тем, что таким образом обращается внимание на необходимость этого компонента, то есть «перспекта» или проекта будущего, как неотъемлемого атрибута каждой культуры.

И наконец обсуждение тезиса Э. Смита о том, что у глобальной культуры нет исторических носителей, но есть создатель — новый культурный империализм глобального масштаба, придает проблематике глобальной культуры предельную остроту и актуальность. Надо признать, что в настоящее время наиболее активным носителем и создателем глобальной культуры действительно выступают те силы, которые заинтересованы в осуществлении негативных сторон глобализации, каковыми являются стандартизация и унификация. Однако, признавая весомость аргументов Э. Смита, нельзя не увидеть, что они не столько доказывают вредность глобальной культуры, сколько убеждают в необходимости создания проекта глобальной культуры, альтернативного тому, за которым стоят интересы транснациональных корпораций.

Несколько иная трактовка проблемы глобальной культуры представлена в концепции американского социально-культурного антрополога А. Аппадурай. Глобальная культура видится им как постоянно меняющаяся комбинация взаимодействия пяти пространств: этнопространства, формируемого СМИ (медиапространство), технопространства, формируемого технологиями, финансового пространства, где основным фактором являются денежные потоки, пространства идей, основными составляющими которого являются государственные идеологии и идеологии

общественных движений. В терминологии А. Аппадурои все эти пространства глобальной культуры имеют названия этноскейп, медиаскейп, техноскейп, финанс-скейп, идеоскейп.

В этой конструкции обращает на себя внимание то обстоятельство, что идеоскейп выделен в качестве самостоятельного фактора формирования глобальной культуры. Весомость этой идеи увеличивается в связи с тем, что одним из лейтмотивов книги А. Аппадурои, в которой представлена его концепция¹, является констатация того факта, что в современной социальной жизни небывало высокое значение имеет воображение. При этом автор подчеркивает, что, в отличие от фантазии, несущей «неустрашимые коннотации мечтаний, отстраненных от проектов и действий», воображение имеет «проективный смысл, смысл прелюдии к деятельному самовыражению того или иного рода»². В связи с этим А. Аппадурои делает чрезвычайно важное заключение, что, хотя проекции в прошлое по-прежнему релевантны современной политике воображения, однако концепции будущего сегодня играют в групповой политике намного большую роль.

Таким образом, рассмотрев концепцию глобальной культуры Э. Смита и А. Аппадурои, можно сделать по меньшей мере два вывода. Первый из них заключается в том, что идея глобальной культуры действительно может быть использована как орудие культурного империализма. Однако, как известно, любой бытовой предмет может найти свое применение не только по своему прямому назначению, но и как орудие членовредительства и даже убийства. Понимание этого не заставляет нас отказываться от полезных вещей.

Второй вывод заключается в том, что идея глобальной культуры высвечивает необходимость ее проектирования, создания образов будущего, которые могли бы стать побудительным мотивом конструктивных и солидарных действий различных человеческих сообществ.

Анализ идейного материала, связанного с проблематикой «глобальной культуры», показывает, что в настоящее время фактически имеются два проекта ее построения. По чертежам одного из них глобальная культура должна быть предельно унифицированной и стандартизированной. Корни этого проекта — в экономико-финансовой сфере. За ним стоят интересы транснациональных компаний, готовых весь мир превратить в конвейер по производству прибылей. Проект унификации и стандартизации органично вписывается в техноскейп, поскольку технологиям чужды культурные различия, а питательная почва финанс-скейпа обеспечивает прочные позиции в медиаскейпе. В пространстве идей проект стандартизации и унификации (он же проект культурного империализма) появляется как «заказное изделие», хорошо финансируемое и поддерживаемое СМИ.

Интересы человечества при реальном объединении как средство решения глобальных проблем и одновременно при сохранении разнообразия культур обуслов-

ливают необходимость проекта глобальной культуры, альтернативного тому, о котором речь шла выше. Условно его можно назвать «гуманистическим». Работа над ним только начинается. Совершенно очевидно, что местом его порождения может быть только пространство идей (идеоскейп). Рассчитывать на поддержку финанс-скейпа не приходится, но при этом необходимо тесное взаимодействие со СМИ (медиаскейпом). В гуманистическом проекте необходимо предусмотреть, что несущие конструкции задания глобальной культуры должны быть выполнены из прочных материалов. Вероятно, прежде всего здесь речь должна идти о ценностях, которые имеют объединяющий смысл и при этом уже достаточно укоренены в культуре. Представляется, что в этом качестве прежде всего нужно рассматривать такие ценности, как гармония, любовь и творческое деяние³.

Интересно в связи с этим вспомнить происхождение самого слова «гармония». Первоначально оно обозначало скрепы, которыми соединялись отдельные части корабля. Например, в «Одиссее» Гомера сказано, что, собираясь в путь, Одиссей обивал корабль гвоздями и «гармониями»⁴. Таким образом, в представлении древних греков гармоничным считалось то, что ладно скроено и крепко сшито. Надо отметить, что в значении понятия «гармония» сохранился первоначальный этимологический смысл слова, что бывает далеко не всегда. Отвлекаясь от частных случаев, можно дать следующее определение: гармония — это структурное свойство объекта, которое выражается в разнообразии и единстве составляющих его элементов.

Аксиологический статус категории «гармония» определяется тем, что она применяется во всех видах деятельности, а также для характеристики всех видов субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Прежде всего это касается взаимоотношений человека и природы. О необходимости гармонии между ними выразительно говорил Аурелио Печчеи (1908–1984), один из организаторов Римского клуба. В статье, которую он диктовал за несколько часов до смерти, обращается внимание на то, что «гармония человека и природы отвечает не только сиюминутным интересам и задачам обозримого будущего, это еще и великая культурная ценность»⁵.

Не менее велико значение гармонии в межцивилизационных и межкультурных отношениях. Так, разнообразие цивилизаций и культур является богатством всего человечества, источником и условием его жизнеспособности. Однако, не будучи подкреплено единством, это же разнообразие может стать и становится причиной бесконечных конфликтов и в конечном счете может привести к гибели человечества.

Перечисление сфер, где гармония имеет статус высшей ценности, можно продолжать до бесконечности: привычными являются разговоры о гармонии межличностных отношений, гармонии человека с самим собой, гармонии личных и общественных

³ См.: Круглова Л. К. Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология. СПб., 2013.

⁴ Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История этических категорий. М.: Искусство, 1965. С. 36.

⁵ Печчеи А. Римский клуб — повестка дня на конец века // Лосев К. С. Мифы и заблуждения в экологии. 2-е изд., доп. М.: Научный мир, 2011. С. 7.

¹ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis ; L. : Univ. of Minnesota Press, 1996.

² Фура В. Арджун Аппадурои «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации : реф. // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 58.

интересов и т. д. Все это убеждает в том, что гармония имеет статус универсальной ценности и потому может рассматриваться как одна из несущих конструкций здания глобальной культуры.

То же самое можно сказать и о такой ценности, как «любовь». Излишне говорить о том, насколько глубоко тема любви укоренена в культуре. На первый взгляд некоторым исключением в этом отношении представляется наука. Однако на самом деле это не совсем так. Достаточно напомнить о деятельности Гарвардского исследовательского центра по созидательному альтруизму, организованного П. А. Сорокиным. Проект назывался «Таинственная энергия любви», ему знаменитый культуролог и социолог посвятил в 1950-е годы 10 лет своей жизни¹.

Проблематика любви имеет прямое отношение к такому источнику социальной энергии, как патриотизм, к формированию такого человеческого качества, как трудолюбие, обладающего не только личным, но и глубоким общественным значением. Любовь лежит в основе отношения человека ко всем сторонам его жизни, что отражено в таких понятиях, как «любимая земля», «любимый город», «любимые книги», «любимая музыка» и т. д.²

Статус любви как ценности определяется тем, что она по своей сути способна обеспечивать интегративные процессы и при этом обладает огромным энергетическим потенциалом. Его реализация возможна за счет включения в число системообразующих ценностей такого феномена, как творческое деяние.

Следует подчеркнуть, что значение гармонии, любви, творческого деяния как самостоятельных ценностей многократно усиливается именно за счет их соединения в триаду. Так, гармония вне союза с любовью и творческим деянием может остаться в области бесполезных мечтаний, любовь без гармонии и творческого деяния может стать демонической силой, деятельность, лишенная тепла любви и чуждая гармонии, имеет результатом не созидание, а разрушение.

Триада «гармония, любовь, творческое деяние» может существовать в мировой культуре не вместо, а вместе с другими конструкциями — «вера, надежда, любовь», «истина, добро, красота». Дальнейшее насыщение идейного пространства глобальной культуры позитивным материалом может и должно способствовать блокированию негативных тенденций глобализации и реализации гуманистического проекта глобальной культуры.